

ПРОФЕССИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ: ОЦЕНКИ СТАРШЕКЛАСНИКОВ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСЯ

TRADES IN A CONTEXT OF SOCIAL STEREOTYPES: ASSESSMENTS OF SENIOR PUPILS TWENTY YEARS PASSED

Собкин В.С.

Директор Института социологии образования РАО,
доктор психологических наук, профессор
действительный член РАО

E-mail: sobkin@mail.ru

Sobkin V.S.

Director of Institute of sociology of education
(Russian Academy of Education)
Doctor of Science (Psychology), Professor,
Academician of Russian Academy of Education

Мкртычян А.А.

Младший научный сотрудник
Института социологии образования РАО

Mkrty'chyan A.A.

Junior research scientist of Institute of sociology of education
(Russian Academy of Education)

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты исследования, направленного на выявление динамики представлений о профессиях в контексте социальных стереотипов у старшеклассников, а также факторов, лежащих в основе оценок различных сфер профессиональной деятельности. Необходимость подобного исследования связана, прежде всего, с тем, что профессиональное самоопределение подростка непосредственно отражается как на личностном самоопределении, в целом, так и на формировании ценностно-нормативных установок. При этом, самоопределение старшеклассника в мире профессий и их оценка связаны не столько с личным опытом, сколько детерминированы средой, его окружающей, прежде всего – социально-экономическими условиями жизни и средствами массовой коммуникации. А это значит, что подобная стереотипизация представляет собой динамичную структуру, зависящую от контекста времени. В связи с этим, особое внимание в нашей работе уделяется сравнительному анализу результатов настоящего исследования с аналогичным (по своей процедуре), проведенным нашими сотрудниками в 1990 году среди московских старшеклассников.

Annotation. Article presents results of the research directed on revealing of dynamics of representations about trades in a context of social stereotypes among senior pupils, and also the factors, underlying assessments of various spheres of professional work activity. Necessity of similar research is connected, first of all, by that professional self-determination of the teenager is directly reflected both in personal self-determination, integrally, and on formation of value-standard directives. Thus, self-determination of the senior pupil in the world of trades and their assessment are connected not so much with personal experience, how many are determined by the environment, it's surrounding, first of all – social and economic living conditions and mass media. And it means that similar stereotypification represents the dynamical structure depending on a time context. In this connection, the special attention in our work is devoted to the comparative analysis of results of the present research with similar (on the procedure), conducted by our employees in 1990 among the Moscow senior pupils.

Ключевые слова. Профессиональное самоопределение, «Я-концепция», социальный стереотип, ценностно-нормативные установки старшеклассника, профессиональная деятельность.

Keywords. Professional self-determination, «Ego-concept», social stereotype, value-standard directives of the senior pupil, professional activity.

Интерес к проблематике, связанной с профессиональными ориентациями старшеклассников, обусловлен, прежде всего, тем, что потребность в личностном самоопределении и процессы формирования ценностно-нормативных установок, определяющих отношения взрослеющей личности с обществом, являются одними из важнейших новообразований подросткового возраста, характер-

ризуя, тем самым, его специфику. Важной составляющей в данных процессах как раз и является профессиональное самоопределение, позволяющее проанализировать и понять не только детерминацию профессиональной ориентации старшеклассника, но и особенности его «Я – концепции» на данном возрастном этапе.

Следует подчеркнуть, что анализ профессионального самоопределения современного подростка требует учета социокультурного и экономического контекста, который задает особый вектор ценностных ориентаций [1, 5, 6, 7]. Самоопределение старшеклассника в мире профессий и их оценка связаны не столько с личным опытом, сколько детерминированы системой социокультурных стереотипов, общественным мнением и средствами массовых коммуникаций. Именно поэтому целью нашего исследования является выявление тех социальных стереотипов, с помощью которых характеризуются те или иные профессии в обыденном сознании. Мы предполагаем, что подобные социальные оценки профессий динамичны и зависят, в том числе, от социокультурных и экономических изменений в обществе. В связи с этим, особое внимание в нашей работе уделяется сравнительному анализу результатов настоящего исследования с аналогичным (по своей процедуре), проведенным нами в 1990 году среди московских старшеклассников [2, 3].

Процедура эксперимента

В качестве инструмента исследования нами использовался метод семантического дифференциала (СД), который получил широкое применение в исследованиях, связанных с восприятием и поведением человека, с анализом социальных установок и личностных смыслов. Заметим, что этот метод позволяет оценивать не значение как объективное знание об объекте, а субъективное значение, связанное с личностным смыслом, социальными установками, стереотипами и другими, эмоционально насыщенными, слабоструктурированными и малоосознаваемыми обобщениями респондента. При этом, выделенные факторы отражают присущую испытуемым структуру оценок, через призму которой происходит восприятие объектов. В настоящей работе, при исследовании отношения респондентов к профессиям, затронут аспект, касающийся связи в обыденном сознании представлений о профессиях с теми или иными социальными стереотипами.

Конкретная процедура эксперимента строилась следующим образом.

Набор шкал составляли социальные типажи, а объектами шкалирования выступали профессии. Испытуемые должны были по шестибальной шкале (от 0 до 5, где 0 – «полное отсутствие сходства», а 5 – «максимальное сходство») оценить степень сходства каждого представленного типажа-стереотипа с соответствующей профессией. Следует отметить, что в исследовании был использован набор предъявляемых профессий и стереотипов аналогичный тому, который применялся в нашей работе 1990 года, где сравнивались результаты трех групп испытуемых – взрослых, учащихся ПТУ и школьников [2, 3]. Подобное использование фиксированного набора объектов и шкал позволяет не просто определить размещение профессий по осям соответствующих факторов, но и проследить временные социокультурные изменения, которые произошли за последние 20 лет, как в оценке социальных типажей, так и различных профессий.

В ходе эксперимента испытуемым для оценивания были предложены 27 профессий из исследования 1990 года: агроном, администратор, актер, военнослужащий, врач, дипломат, животновод, журналист, инженер, колхозник, кооператор, милиционер, музыкант, парикмахер, партийный работник, пенсионер, писатель, продавец, слесарь, служащий, сталевар, сторож, ученый, учитель, философ, шофер и юрист.

В качестве социальных стереотипов выступали 15 социальных типажей: «карьерист», «интеллигент», «работяга», «прожигатель жизни», «бюрократ», «мошенник», «обыватель», «зависимый человек», «неуверенный в себе человек», «лидер», «романтик», «циник», «демагог», «деловой человек», «диктатор». К данному набору стереотипов, как и в исследовании 1990-го года, было добавлено пять оценочных шкал, с помощью которых определялись отрицательные и положительные полюсы оценочного отношения респондентов. Добавленные шкалы «идеал общества» и «презираемый человек» задают ось социального принятия и отвержения; шкалы «мой идеал» и «антипатичный мне человек» – ось личностного принятия и отвержения; шкала «Я» – степень идентификации респондента с определенной профессией. В целом, добавленные шкалы представляют

собой модальности, характеризующие структуру «Я-концепции» респондента. Заметим, что подобная процедура позволяет содержательно охарактеризовать особенности «Я-концепции» с помощью социальных стереотипов.

Помимо базового набора шкал и объектов, которые использовались в работе 1990 года, испытуемым также предъявлялись дополнительные шкалы (стереотипы) и объекты (профессии), которые, на наш взгляд, являются актуальными и значимыми для современной молодежи. Дополнительно для оценивания были предъявлены следующие профессии: «чиновник», «бизнесмен», «специалист по ИКТ», «дизайнер», «переводчик», «спортсмен», «стилист» и «модель». А в качестве дополнительных шкал были предложены «уважаемый человек», «успешный человек», «обеспеченный человек» и «гламурный человек». Мы предполагали, что подобные дополнения позволяют в какой-то степени учесть современные тенденции представлений подростка о профессиональной сфере.

В исследовании участвовало 48 испытуемых – учащихся 10–х классов. На основе индивидуальных протоколов оценивания каждым испытуемым объектов (профессий) по шкалам (социальные стереотипы) была построена матрица с усредненными оценками, которая затем подверглась процедуре факторного анализа (метод главных компонент) с последующим вращением факторных структур «Varimax» и вычислением значений факторов для каждого объекта шкалирования (профессии). Помимо этого был проведен кластерный анализ на той же матрице усредненных данных, и по его результатам построена дендограмма (кластерное дерево), позволяющая охарактеризовать сходство профессий по их социальным оценкам у старшеклассников.

Для характеристики изменений в социальной оценке профессий старшеклассниками в настоящей статье мы сопоставим результаты исследований 1990 и 2010 годов. При этом, в структуру данных 2010 года мы внесли только те стереотипы и профессии, которые использовались в 1990 году. В таблице 1 приведены результаты факторного анализа по исследованию 1990 года.

В 1990 году было выделено пять факторов. Первый биполярный фактор (F1) задавал оценочную ось дифференциации сферы социальных стереотипов по двум семантическим основаниям:

- 1) социальная идеализация («идеал общества») – общественное отвержение («презираемый человек», «прожигатель жизни», «обыватель», «мошенник»),
- 2) лидерство – неуверенность, зависимость.

Следует отметить, что в данном случае «лидерство» выступало как общественно положительная характеристика, коррелируя с «идеалом общества». Второй фактор (F2) характеризовал семантическое противопоставление: цинизм – романтизм. Причем, стереотипы «циник», «демагог» определяли полюс личностного неприятия, коррелируя с оценкой «антипатичный мне человек». Интересно, что стереотип «работяга» оказался семантически близким к «романтику». Вероятно, за подобным семантическим сближением этих стереотипов стоит целый комплекс воспринятых старшеклассниками искажений и трансформаций общественной жизни начала 90-х годов, когда «работяга» воспринимался как человек, оторвавшийся от социальных реалий («романтик»), не приспособленный к условиям жизни в отличие от демагога и циника, уверенно чувствующих себя в социальной среде. Третий фактор (F3) важен, поскольку он характеризует личностное принятие. В этом факторе семантически объединились «Я» и «мой идеал». При этом, «мой идеал» и «Я» оказываются семантически близкими к социальным стереотипам «карьерист» и «деловой человек». Это позволяет сделать вывод о том, что у старшеклассников при формировании образа себя («Я») и собственного идеала («мой идеал») существенную роль в 1990 году играла потребность в достижении, социальном успехе, которая своеобразным образом и отражена в стереотипах «карьерист» и «деловой человек». Факторы F4 и F5 просты по своей структуре и не нуждаются в особой интерпретации.

В то же время, следует отметить четкое выделение в социальной сфере как автономных таких социальных стереотипов, как «интеллигент» и «бюрократ». Это свидетельствует о том, что старшеклассники 90-х годов оказались наиболее чувствительны к одному из ключевых противоречий социальной жизни – противостоянию бюрократии и интеллигенции.

Если обратиться к особенностям размещения профессиональных стереотипов по осям выделенных факторов, то следует отметить несколько важных моментов.

Прежде всего, устойчивое место на полюсах фактора негативной личностной оценки (F2) у старшеклассников в 1990-м году занимали «партийный работник» и «администратор». Семантической основой подобного объединения является приписывание данным профессиям таких характеристик, как цинизм и демагогичность. На полюсе общественного принятия (F1) у подростков 1990-го года с наибольшими значениями разместились профессии ученого, дипломата и военнослужащего. Именно в данных профессиях, на тот период времени, старшеклассники видели наибольшие возможности для достижения социального успеха. Размещение профессиональных стереотипов по оси фактора (F3), который характеризует особенности личностной идентификации, выглядит следующим образом: наиболее личностно приемлемой для старшеклассников выступала профессия ученого, противоположную позицию по этому фактору (отсутствие каких-либо социальных перспектив) занимали «пенсиянер», «продавец», «слесарь» и «сторож». Что касается размещения профессий на полюсе общественного антиидеала (F1), то с наибольшими нагрузками здесь расположились «продавец», «слесарь», «пенсиянер» и «кооператор».

Таблица 1. Структура выделенных факторов (исследование 1990 года) [2, 3]

F1 (24,9%)	F2 (22,8%)	F3 (14,1 %)	F4 (13,2%)	F5 (8,0%)
презираемый человек (0,88)	работяга (0,78)	Я (0,82)	бюрократ (0,87)	интеллигент (-0,82)
прожигатель жизни (0,82)	романтик (0,68)	карьерист (0,64)	диктатор (0,76)	
обыватель (0,81)	циник (-0,85)	деловой человек (0,59)		
мошенник (0,78)	антипатичный мне человек (-0,79)	мой идеал (0,58)		
зависимый человек (0,65)	демагог (-0,78)			
неуверенный в себе человек (0,59)				
лидер (-0,62)				
идеал общества (-0,59)				

Обратимся теперь к результатам факторного анализа, по данным эксперимента 2010 года. В таблице 2 приведены результаты факторизации усредненной групповой матрицы данных, которая структурно (по набору шкал и объектов оценивания) соответствует матрице эксперимента 1990 года.

Таблица 2. Структура выделенных факторов (исследование 2010 года)

F1 (35,9%)	F2 (32,1%)	F3 (12,3%)
мой идеал (0,90)	бюрократ (0,93)	демагог (0,76)
я (0,87)	деловой (0,91)	прожигатель жизни (0,65)
романтик (0,79)	карьерист (0,85)	работяга (-0,71)
интеллигент (0,79)	диктатор (0,85)	
идеал общества (0,72)	лидер (0,82)	
антипатичный мне человек (-0,90)	циник (0,75)	
обыватель (-0,80)	мошенник (0,69)	
презираемый человек (-0,80)		
неуверенный человек (-0,65)		
зависимый человек (-0,64)		

В результате факторного анализа были выделены три фактора, описывающие 80,3% общей суммарной дисперсии.

Первый биполярный фактор F1 (35,9%) включает в себя следующие параметры: «идеал общества», «мой идеал», «Я», «романтик», «интеллигент» (на положительном полюсе фактора) и «презираемый человек», «антипатичный мне человек», «обыватель», «неуверенный человек», «зависимый человек» (на отрицательном полюсе фактора).

Выделенный фактор F1, названный нами «личностное принятие – личностное непринятие», задает семантическое противопоставление, основанное на системе личностных ценностных ориен-

таций, отражающих структуру «Я-концепции». Положительный полюс данного фактора характеризует позитивную сторону «Я-концепции», где объединились: «мой идеал», «Я», «идеал общества». Отрицательный полюс определяет ее негативные компоненты, как личностно, так и общественно отвергаемые: «антипатичный мне человек», «презираемый человек».

При анализе содержания данного фактора, на наш взгляд, важно обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, отсутствие в составе фактора характеристик и атрибутов социальной успешности, как основания личностного принятия в структуре «Я-концепции». Подобный результат является неожиданным, поскольку социальная успешность, в современном обществе, часто позиционируется как приоритетный критерий оценки, в основе которой лежит социальная и материальная реализованность человека. Во-вторых, обращает на себя внимание объединение собственного идеала респондента с идеалом общества и образом самого себя. Подобное объединение «идеала общества», «моего идеала» и «я» в одну структуру может, с одной стороны, свидетельствовать о непротиворечивости «Я-концепции», а с другой – о слабой дифференцированности и незрелости «Я-концепции» современного старшеклассника, выражающейся в отсутствии четкой дифференциации собственных и общественных идеалов. Отметим, что в исследовании 1990 года подобного объединения не наблюдалось. В этой связи, старшеклассники начала 90-х представляются социально более зрелыми людьми, которые в период серьезных социальных, экономических и политических изменений, тем не менее, дифференцировали личностную и общественную позицию относительно различных ценностей.

В этой связи важно отметить, что при сравнении результатов исследований 1990 и 2010 года наблюдаются существенные различия, как в содержании факторов, так и в самом их количестве (см. таблицы 1 и 2).

Так, в исследовании 1990 года факторная структура была более дифференцирована, о чем свидетельствует наличие пяти факторов, против трех, выделенных в 2010 году. Если же отмечать различия в содержании факторов, то наибольший интерес представляет расположение таких шкал, как «идеал общества», «мой идеал», «я», «антипатичный мне человек» и «презираемый человек». Как мы видим, в исследовании 2010 года эти оценочные шкалы объединились в один фактор, расположившись на обоих его полюсах. В то же время, в исследовании 1990 года данные шкалы распределились между несколькими факторами.

Важным, на наш взгляд, является и то, что в исследовании 1990 года шкалы «мой идеал» и «Я» объединились со шкалами «карьерист» и «деловой человек». Подобной корреляции в настоящем исследовании не наблюдается, что позволяет сделать вывод относительно существенной трансформации ценностно-нормативной системы у учащихся 2010 года по сравнению с 1990 годом. Так, в период социальной и экономической нестабильности, в эпоху формирования новых рыночных отношений, изменения происходят не только на социальном, но, в том числе, и на личностном уровне. Приоритетными и желанными становятся ценности, а также характеристики личности, которые способны обеспечить социальный и материальный успех человека. В то же время, по мере повышения уровня жизни и, параллельно, снижения социальной активности, подобные ценности начинают терять свою былую актуальность, что и демонстрируют результаты настоящего исследования. Более того, в 2010 году параметры, характеризующие социальный успех, достижение («лидер», «деловой человек») получают у старшеклассников явно негативную коннотацию, коррелируя со стереотипами «мошенник», «циник», «карьерист» (см. таблицу 2, фактор F2). Это, кстати, содержательно связано с таким явлением как социальная anomia.

Второй униполярный фактор F2 (32,1%) включает в себя следующие стереотипы: «карьерист», «бюрократ», «мошенник», «лидер», «циник», «деловой человек», «диктатор». Данный фактор задает оценочную ось, в основе которой лежат современные атрибуты социальной успешности. Приоритетными здесь являются ценности, характеризующие, прежде всего, успешность в карьере, лидерские и деловые качества. В то же время следует отметить, что в состав данного фактора входят такие отрицательные в моральном отношении стереотипы как «мошенник», «циник» и «диктатор». Это позволяет сделать вывод об определенном отстранении наших испытуемых в моральном и личностном плане от комплекса характеристик, связанных с атрибутами социальной успешности.

Следует отметить, что подобного объединения перечисленных характеристик не наблюдается в исследовании 1990 года, где данные шкалы распределились по четырем различным факторам. В

частности, характеристики «мошенник» и «лидер» вошли в состав первого фактора (см. таблицу 1, фактор F1), разместившись, при этом, на разных его полюсах. Так, «лидер» в совокупности со шкалой «идеал» общества противопоставлялись «мошеннику» и другим негативным оценочным шкалам.

Таким образом, если в исследовании 1990 года «мошенник» позиционируется как строго отрицательная характеристика, то в настоящем исследовании подобная негативная оценка данной шкалы уже не столь очевидна, т.к. располагается на одном полюсе с вполне положительными характеристиками, такими как «лидер» и «деловой человек». Возможно, сама характеристика «мошенник» в глазах современного старшеклассника уже не содержит, собственно, морально оценочной нагрузки, выступая более как некий необходимый атрибут современного делового человека – качество, наличие которого скорее необходимость, нежели устойчивая личностная черта («ничего личного»). Заметим, что это, в свою очередь, свидетельствует о принципиальной трансформации этической системы.

Также интересным, на наш взгляд, является различие в распределении по факторам в обоих исследованиях таких характеристик как «карьерист» и «деловой человек». В исследовании 1990 года они вошли в состав третьего униполярного фактора (см. таблицу 1), который характеризовал полюс личностного принятия, т.к. помимо указанных характеристик туда же вошли «Я» и «мой идеал», задавая, тем самым, совершенно иную структуру «Я-концепции», в целом, где, в отличие от нынешней ее формы, нашлось место не только личностным, но и социальным характеристикам.

В периоды социальной, экономической или политической нестабильности приоритетными личностными качествами выступают такие характеристики, которые обеспечивают человеку эффективную адаптацию, прежде всего, в плане материальной успешности и социальной реализованности. Подобными качествами, идеализированными респондентами в исследовании 1990 года и являлись «деловой человек» и «карьерист». С другой стороны, при определенной (пусть и иллюзорной, но агрессивно декларируемой в СМК) тенденции к социальной стабильности, выше обозначенные качества теряют, в некотором смысле, свою актуальность и личностную значимость. Следует уточнить – подобные социальные характеристики не исчезают вообще. Но, они группируются в отдельный фактор, который не включает уже в себя элементы «Я-концепции» респондента.

Последний, третий выделенный биполярный фактор F3 (12,3%) достаточно прост по своей структуре и включает в себя следующие шкалы: «демагог» и «прожигатель жизни» на положительном полюсе фактора, «работяга» – на отрицательном полюсе. Примечательным в данном факторе, при сравнении с результатами исследования 1990 года, является то, что здесь указанные шкалы объединились в отдельный фактор. Между тем, в 1990 году все три представленных шкалы входили в разные факторы. Так, в частности, «демагог» и «работяга» входили в состав фактора, задававшего семантическое противопоставление «цинизм» - «романтизм», причем, «демагог» совместно с представленным в этом же факторе «циником» определяли полюс личностного неприятия, а «работяга» был семантически близок к «романтику». Т.е. «работяга», в какой-то степени, представлялся характеристикой человека, оторванного от социальных реалий того времени, но, несущей, тем не менее, положительную оценочную нагрузку. В настоящем же исследовании привязка данной шкалы к личностной системе принятия или неприятия отсутствует, что придает, тем самым, социальному стереотипу «работяга» сугубо номинативное значение. Что же касается характеристики «прожигатель жизни», то в исследовании 1990 года она входила в состав первого фактора, который задавал оценочную ось дифференциации сферы социальных стереотипов по основанию общественного отвержения и принятия, объединяясь, тем самым, с такими шкалами, как «презираемый человек», «обыватель» в противопоставлении шкалам «лидер» и «идеал общества».

И, наконец, при сравнении результатов 1990-го и 2010-го годов интересным является изменение позиции такого социального стереотипа как «интеллигент». В исследовании 1990 года данная шкала представляла собой отдельный фактор (см. таблицу 1). В исследовании 2010-го года она вошла в состав первого фактора, объединившись с «романтиком». Таким образом, у современного старшеклассника кардинально меняется отношение к данной характеристике. И если в исследовании 1990-го года шкала «интеллигент» фиксировала автономную социально значимую позицию, то сегодня это скорее атрибут «романтизма», характеризующий оторванность и неуместность романтика (как и интеллигента) в нынешних реалиях.

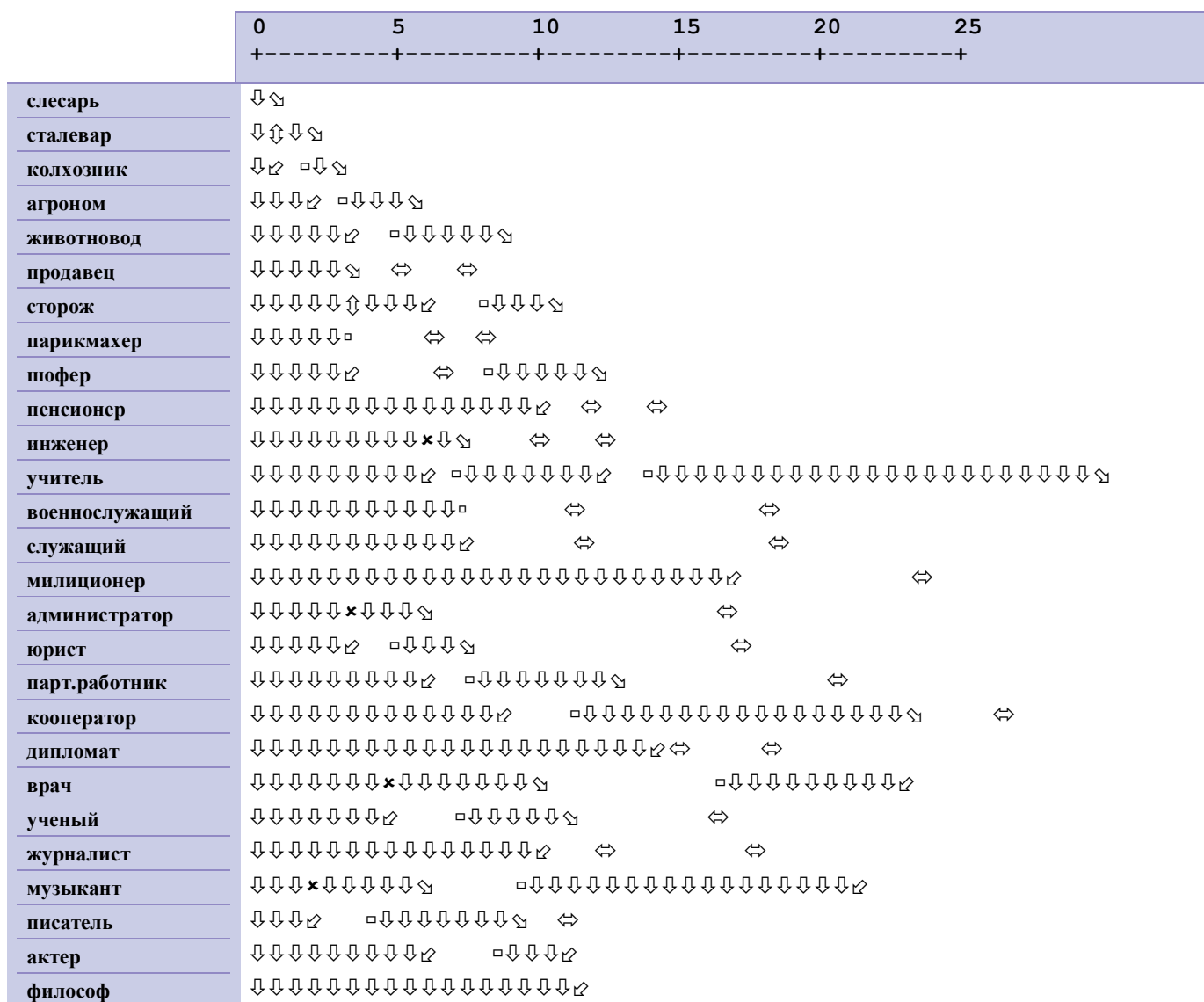
Таким образом, проведенное сопоставление результатов 1990-го и 2010-го годов показывает весьма существенные трансформации структурных особенностей «Я-концепции» старшеклассников за последние 20 лет.

Результаты кластерного анализа

Для выявления особенностей дифференциации представлений старшеклассников о различных профессиях нами был проведен кластерный анализ, позволяющий построить многоуровневое дерево классификаций.

В результате кластерного анализа было выделено пять кластеров, объединяющих различные профессии (см. рисунок 1).

Рисунок 1. Дендограмма кластеризации профессиональных стереотипов
(исследование 2010 года)

Полученные результаты показывают, что представления современных старшеклассников о профессиональной сфере дифференцированы в большей степени, чем у их сверстников двадцать лет назад. При проведении кластерного анализа в исследовании 1990 года было выделено всего три группы профессий:

- а) рабочие, низко квалифицированные специальности;
- б) профессии, требующие высшего образования;
- в) группа престижных профессий.

В отличие от подобной картины, в настоящем исследовании ситуация складывается более сложной.

Так, в исследовании 2010 года в первый кластер (см. рис.1) были объединены такие профессии как «слесарь», «сталевар», «колхозник», «агроном», «животновод», «продавец», «сторож», «парикмахер» и «шофер». Основанием для подобного объединения является социальная неуспешность, незащищенность и непопулярность данных профессий, а также их социальная бесперспективность и обыденность. Это профессии производственной сферы и сферы обслуживания.

Основанием для объединения профессий в следующий кластер, куда вошли «инженер», «учитель», «военнослужащий» и «служащий» является их принадлежность, как правило, к бюджетным специальностям, которые, тем не менее, в отличие от профессий первого кластера представляются более защищенными и успешными в социальном плане.

В следующую группу объединились такие профессии как «администратор», «юрист», «партийный работник» и «кооператор». В данном случае объединение основано не столько на объективных характеристиках самих профессий, сколько на отношении к ним со стороны респондентов, что наглядно иллюстрируют результаты факторного анализа. Перечисленные профессии оцениваются (и соответственно объединяются) как успешные, престижные, уважаемые (в большинстве случаев), продуктивные и относящиеся к представителям власти и элиты.

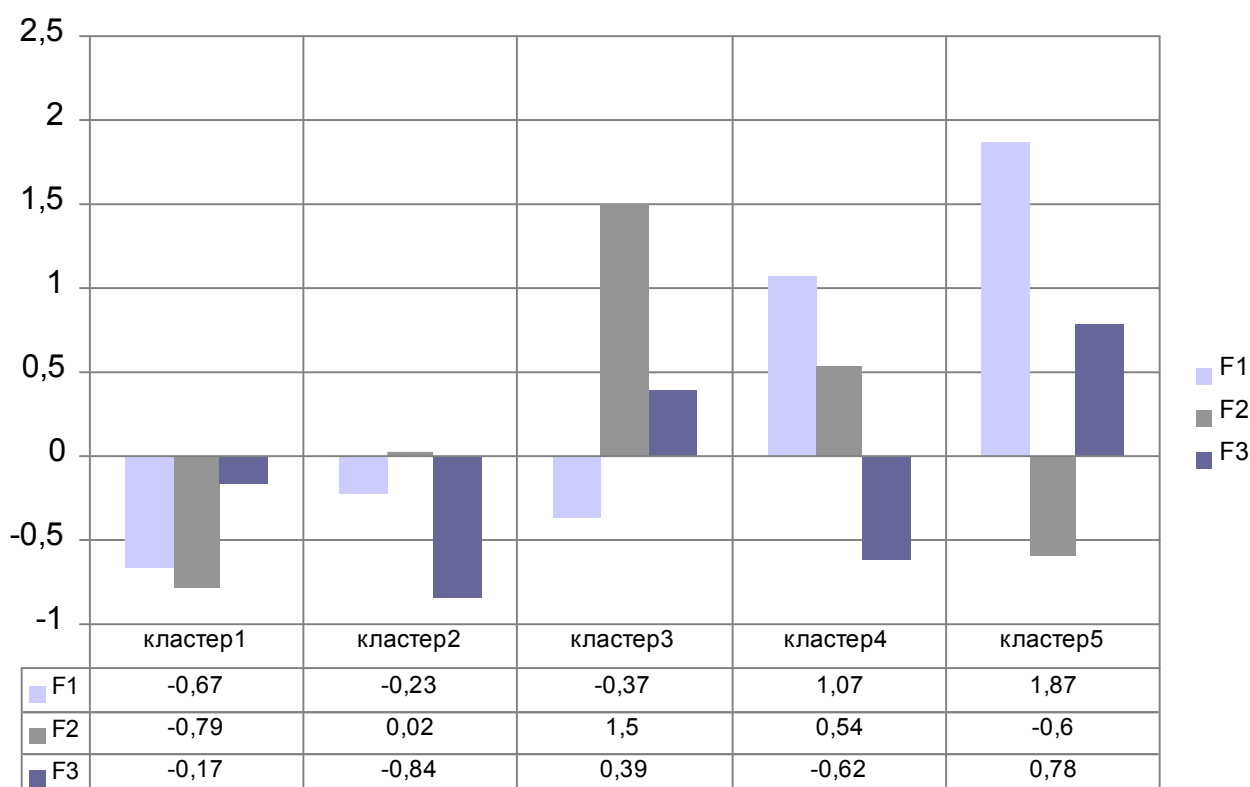
В предпоследний кластер объединились профессии «врач», «ученый», «журналист» по основанию необходимости получения высшего образования для овладения данными профессиями и их гуманитарной направленности.

Наконец, в последний кластер объединились профессии «музыкант», «писатель» и «актер». Основанием здесь выступает принадлежность данных профессий к сфере художественно - творческой деятельности. Двадцать лет назад эти профессии входили в группу, объединяющую представителей творческой интеллигенции («ученый», «философ» и др.).

Следует также отметить, что не все предложенные для оценивания профессии разместились по разным кластерам. Такие объекты оценивания как «пенсионер», «милиционер», «дипломат» и «философ» не попали ни в один из перечисленных кластеров.

В завершении работы, для более наглядной иллюстрации полученных результатов, нами были рассчитаны комплексные оценки представленных кластеров профессий по всем трем выделенным факторам. С этой целью была подсчитана средняя суммарная величина по каждому из факторов для профессий, входящих в соответствующий кластер. Полученные профили кластеров представлены на рисунке 2.

Рисунок 2. Профили кластеров по трем выделенным факторам

Представленные данные (см. рис. 2) позволяют содержательно охарактеризовать каждый из кластеров, основываясь на величине средних значений по всем трем факторам. Как мы видим, практически в каждом из кластеров присутствует ведущая черта, своего рода акцентуация, представленная теми или иными факторами. В частности, первый кластер профессий, куда вошли: «слесарь», «сталевар», «колхозник», «агроном», «животновод», «продавец», «сторож», «парикмахер» и «шофер», характеризуется социальной неуспешностью (F2 – отсутствие лидерских качеств) и личностным неприятием со стороны респондентов (F1 – неуверенность, зависимость). Акцентуация второго кластера, куда вошли «учитель», «инженер», «военнослужащий», «служащий», представлена отрицательным полюсом фактора F3, который задан социальным стереотипом «работяга». Заметим, что это малопривлекательные профессии для респондента, в том числе, и в силу их недостаточной социальной успешности. Ведущей чертой третьего кластера является социальная успешность (F2) входящих в него профессий. Это профессии: «администратор», «юрист», «партийный работник» и «кооператор». Четвертый кластер, куда вошли профессии врача, ученого и журналиста, характеризуется, прежде всего, личностным принятием и привлекательностью для респондента, что отражается в акцентуации по фактору F1. В то же время, данный кластер характеризуется и социальной успешностью (F2), и ориентацией на трудовую активность (F3 – «работяга»). В последнем, пятом кластере, в состав которого вошли «музыкант», «писатель» и «актер» превалирующим является фактор F1. Данный кластер профессий интересен тем, что, являясь личностно привлекательным для респондентов (F1), он, тем не менее, не оценивается ими как социально успешный (отрицательные значения по фактору F2). В то же время, объединенная здесь группа профессий характеризуется высокими положительными значениями по фактору F3 («демагог», «прожигатель жизни»). Иными словами, эти профессии не оцениваются старшеклассниками как продуктивные.

Выводы

В качестве основных выводов отметим следующее.

1. Приведенные в статье данные показывают, что структура «Я-концепции» старшеклассников оказалась менее дифференцированной по сравнению с их сверстниками в 1990-м году. Наиболее отчетливо это проявилось в объединении в одном факторе таких компонентов «Я-концепции», как «Я», «мой идеал» и «идеал общества».
2. Сравнительный анализ показал, что и сама социальная реальность выступает для современного старшеклассника в более упрощенном, недифференцированном виде. Об этом, в частности, свидетельствует меньшее число выделенных в 2010-м году факторов, по сравнению с 1990-м. При этом, принципиальное значение имеет не только уменьшение числа выделенных факторов, но и изменение их содержания. Характерно, что социальная позиция «интеллигент» не выделяется сегодня в качестве самостоятельной в структуре ценностных ориентаций современного подростка, как это было у его сверстников двадцать лет назад. И, напротив, такой социальный стереотип как «бюрократ» оказался связан сегодня с целым рядом позитивных коннотаций («лидер», «деловой человек»). Подобное смещение свидетельствует о существенных трансформациях, произошедших за двадцать лет в ценностно-нормативной системе подростка.
3. Результаты кластерного анализа свидетельствуют о более сложном представлении сферы профессиональной деятельности у современного подростка, по сравнению со сверстниками «девяностых». Если двадцать лет назад мир профессий, в социальном отношении, дифференцировался в основном по признакам наличия соответствующего уровня образования (как правило, высшего или среднего), то сегодня, при оценке профессий, важную роль приобретают характеристики социального успеха – неуспеха.

В заключение следует добавить, что аналогичное исследование, ориентированное на характеристику профессий через систему социальных стереотипов, было проведено нами на выборке студентов [4]. В целом, полученные факторные структуры оказались практически идентичными у студентов и школьников. Подобная инвариантность полученных результатов позволяет сделать вывод об отсутствии особой динамики в процессе социализации, при переходе от школьного возраста к студенческому: структура «Я-концепции», а также факторы, определяющие связь между

различными социальными стереотипами у студентов и школьников оказываются практически идентичными. Это позволяет сделать вывод о том, что вуз как «институт взросления», становления молодого специалиста практически не вносит существенных изменений в его личностную организацию.

Меняются лишь акценты, ценностные приоритеты, которые проявились в изменении весовых нагрузок инвариантных факторов, выделенных у школьников и студентов. Так, если у старшеклассников наиболее высокую нагрузку имеет фактор, характеризующий «Я-концепцию», то у студентов на первый план выходит фактор социальной успешности. Т.е., можно предположить, что вуз как институт социализации не столько обогащает личностную сферу человека в целом, сколько делает ее более утилитарно и прагматично направленной. Подобные изменения нельзя назвать ни негативными, ни позитивными. Вероятно, умеренная прагматичность и ориентация на социальную успешность, сформированные на этапе выхода в самостоятельную взрослую и профессиональную жизнь, представляются необходимым компонентом личности в процессе эффективной адаптации к новым условиям жизни.

Литература:

1. Константиновский Д.Л. Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности. – М.: Центр Социологии Образования РАО, 2000. – 224 с.
2. Собкин В. С., Грачева А. М. Возрастные особенности ориентации в социально-профессиональной сфере // Жизненные ориентации учащихся и проблемы современного образования. Сб. науч. трудов – М.: Изд. АПН СССР, 1990. С. 102 – 130.
3. Собкин В.С., Грачева А.М., Нистратов А.А. Возрастные особенности ориентации в социально – профессиональной сфере // Вопросы психологии, 1990, - №4. С. 23 – 31.
4. Собкин В.С., Мкртычян А.А. Профессии в контексте социальных стереотипов: мнение студентов-психологов // Социология образования. Труды по социологии образования. Т. XIV. Вып. XXIV – М.: Институт социологии образования РАО, 2010. С. 31 - 51.
5. Собкин В. С., Писарский П. С. Профессиональные ориентации школьников: кросскультурные различия // Социология образования. Труды по социологии образования. Т. I. Вып. I – М.: Центр социологии образования РАО, 1993. С. 96 – 106.
6. Титма М.Х. Ценности, влияющие на выбор профессии // Вопросы философии, 1969, - №4. С. 52 – 61.
7. Шубкин В.Н. Трудящаяся молодежь: образование, профессия, мобильность. – М.: Наука, 1984. – 213 с.